

В. М. ОЛЛЫКАЙНЕН

О ГЛАГОЛЬНЫХ СУФФИКСАХ С ЗАЛоговой НАПРАВЛЕННОСТЬЮ
В СОВРЕМЕННОМ ФИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Категория залога является одной из самых сложных грамматических категорий. Даже в такой наиболее изученной и научно разработанной группе языков, как индоевропейская, залог не получил еще достаточно ясной трактовки. Несмотря на то что в русском языкознании этому вопросу уделено немало внимания, в грамматиках русского языка до сих пор не выработана единая система залогов.

Финно-угроведы очень мало занимались проблемой залога. Как известно, в большинстве финно-угорских языков грамматическая категория залога в целом не выделяется и по залогу различаются только причастия. Но, например, в грамматиках коми и марийского языков эта категория глагола отмечается.¹ Однако из скурых высказываний о залоге, которые имеются в литературе по этим языкам, нельзя составить себе ясного представления о критериях его выделения, а также о самой сущности залога.

В грамматике коми языка „залогом называют грамматическую категорию, которая в специфической форме глагола выражает особого рода отношение действия, выраженного соответствующим глаголом, к объекту его, выраженному прямым дополнением (принимая во внимание и возможное отсутствие объекта), и к производителю этого действия“.² Грамматика марийского языка определяет залог как глагольную категорию, которая „устанавливает отношение действия к субъекту и объекту (т. е. подлежащему и дополнению)“.³ В „Современном коми языке“ произошло смешение двух планов — грамматического и реального, или логического. С одной стороны, залог выражает отношение действия к прямому дополнению, т. е. к грамматическому объекту, с другой стороны, это отношение действия к его производителю, т. е. к реальному, или логическому, субъекту. Я. Г. Григорьев различает в марийском языке три залогов: действительный, страдательный и понудительный.⁴ В. М. Васильев упоминает действительный, страдательный, средний, взаимный и возвратный залогов. Понудительность же он относит к категории наклонения, считая ее

¹ См.: Современный коми язык, ч. 1. Сыктывкар, 1955; Я. Г. Григорьев. Марийский язык. Йошкар-Ола, 1953.

² Современный коми язык, стр. 229.

³ Я. Г. Григорьев. Марийский язык, стр. 156.

⁴ Там же, стр. 156, 157.

разновидностью изъявительного наклонения.¹ Напрашивается вывод, что вопрос о залоге в этих языках недостаточно разработан.

В грамматиках финского языка по форме различается два „основных класса“ глагола — актив и пассив, охватывающие как переходные, так и непереходные глаголы. Но по существу своему это различие не является залоговым. В системе прибалтийско-финского спряжения существует особая форма глагола с *t*-овым показателем, которая в финском литературном языке имеет неопределенно-личное значение. Форма настоящего времени изъявительного наклонения неопределенно-личной формы в разговорном языке заменяет форму первого лица множественного числа повелительного наклонения. А в диалектах неопределенно-личная форма употребляется также как форма первого лица множественного числа изъявительного и сослагательного наклонений. Глаголы в этой неопределенно-личной форме и объединяются под названием „пассив“ в отличие от определенно-личных форм, объединяемых под названием „актив“; это — глаголы типа *tehdaän, tehtiin* ‘делают, делается’, ‘делали, делалось’ и *annetaan, annettiin* ‘дают, дается’, ‘давали, давалось’.

Не отражая в современном языке залогового противопоставления глагольных форм, названия „пассив“ и „актив“ употребляются по традиции, ибо когда-то так называемый пассив действительно имел пассивный характер и изменялся по лицам и по числам. В первых письменных памятниках читаем: *ja mine pelastettiin* ‘и я был спасен’, *me warielaa-me* ‘мы охраняемся’, *sine heiteten* ‘тебя бросают’ (букв. ‘ты бросаешься’), *te kastetat* ‘вас крестят’ (букв. ‘вы креститесь’) и т. д. Личный характер имеют формы так называемого пассива и в памятниках эстонской письменности. Оянсуу приводит, например, такие выражения: *minna ristitü* ‘меня крестят’ (букв. ‘я крещусь’), *sinna waiwatat* ‘тебя подвергают мучениям’ (букв. ‘ты мучаешься’), *teije kutsutite* ‘вас вызывали’ (букв. ‘вы вызывались’).² По сообщению проф. П. А. Аристе, в южнoэстонских диалектах личный пассив существует и поныне. Там, например, говорят: *ma kutsuta* ‘меня вызывают’ (букв. ‘я вызываюсь’), *sa kutsutat* ‘ты вызываешься’ и т. д.

Непассивный характер так называемой пассивной формы глагола в современном финском языке не вызывает уже сомнений у языковедов. Еще во второй половине прошлого века отмечалось, что подлинная непассивная природа так называемого пассива стала общепризнанной.³ Дальнейшее изучение этой формы сводится к выяснению ее происхождения.⁴

Из *t*-овых пассивных форм в финском языке по залогy различаются только причастия, возникшие на основе пассивной глагольной формы. Однако же и для них не характерно образование страдательных оборотов. При *t*-овом причастии законченного действия (причастие на *-tu(-ty)*, *-ttu(-tty)*) производитель действия вообще никогда не может быть указан.

¹ В. М. Васильев. Наклонения и некоторые отглагольные формы в марийском языке. Тр. Марийск. научно-исслед. инст. яз., лит. и истор., вып. VII, Йошкар-Ола, 1955, стр. 120, 125.

² Примеры взяты из: Heikki Ojansuu. Mikael Agricolan kielestä. Helsinki, 1909, стр. 103—104.

³ Т. А. Passivin substantivi-muodoista. Kieletär, I, 2. vihko, Helsinki, 1872, стр. 23.

⁴ См., например, „Virittäjä“ за 1915—1916 гг.

В финском языке, однако, имеется еще страдательное причастие на *-ma(-mä)*, на основе которого образуются страдательные обороты, противопоставляемые активным. Ср., например: *Talo on isän rakentama* 'Дом построен отцом' и *Isä on rakentanut talon* 'Отец построил дом'. Причастие на *-ma(-mä)* всегда употребляется с указанием производителя действия. Такую конструкцию допускают только причастия, образованные от переходных глаголов. Поэтому можно сказать, что причастие на *-ma(-mä)* образуется обычно только от переходных глаголов или от глаголов, которые могут иногда употребляться в качестве переходных. Участие этой отглагольной формы в залоговом противопоставлении и единое залоговое значение образуемых на ее основе оборотов очевидны. Однако в литературе по финскому языку она до недавнего времени рассматривалась в разделе инфинитивов в силу общности происхождения и формального сходства с ними.

Залоговый характер тех или иных глагольных формантов определяется изменением в предложении отношения между словами, обозначающими производителя действия и объект действия, выражаемого глагольной основой. Помимо причастных показателей, залоговое значение в финском языке обнаруживают также две группы отглагольных суффиксов глаголов: суффиксы с тематическим *t* — *-ta(-tä-)*, *-tta(-ttä-)*, *-utta(-yttä-)* и суффиксы с тематическим *u(y)* — *-u(-y-)*, *-utu(-yty-)*, *-ntu(-nty-)*, относимые во всех грамматиках к словообразовательным. Близость функций этих суффиксов к функциям формообразующих суффиксов (т. е. суффиксов, образующих формы грамматической категории залога) впервые отчетливо подчеркнул советский финно-угровед Д. В. Бубрих, выделивший глаголы с этими суффиксами в особую группу „отглагольных глаголов залоговой направленности“. Глаголами залоговой направленности Бубрих называет „отглагольные глаголы, которые вносят те или иные особенности в постановку субъектно-объектных отношений в предложении“.¹ Поскольку высказывания Бубриха касаются в большей степени происхождения суффиксов, целесообразно подробнее рассмотреть их проявление в современном языке.

Действительно, при противопоставлении отглагольных глаголов с названными суффиксами их исходным формам обнаруживается, что производный глагол вызывает в предложении иное выражение отношения между субъектом-производителем действия и объектом действия. Ср., например: *minä rakennan taloa* 'я строю дом' и *minä rakennutan taloa* 'я строю дом' (через кого-то). Если в первом предложении субъект действия совпадает с подлежащим *minä* 'я', то во втором предложении это соотношение уже меняется. Глагол, присоединив к себе суффикс *-utta-*, вызывает представление о другом субъекте, который в данном предложении не находит выражения. Этот второй субъект здесь подразумевается, но он может быть выражен и отдельным словом (в форме адессива), например: *minä rakennutan vieraalla taloa* 'я строю дом через чужого'. Подлежащим *minä* 'я' здесь выражается побочный субъект, роль которого сводится только к побуждению или понуждению. Он является как бы только инициатором действия, а производителем действия является лицо, грамматически оформляющееся в предложении как косвенное дополнение или только подразумевающееся.

¹ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, §§ 204—214.

Или же ср.: *minä pesen vaatteita* 'я стираю белье' и *minä peseydyn* 'я умываюсь'. Прибавление суффикса *-yty-* к основе глагола *pestä* (основа наст. вр. *pese-*) 'стирать, мыть' точно так же вызывает изменение в выражении субъектно-объектных отношений, хотя это изменение и имеет уже другой характер, чем в предыдущем случае, где изменение по существу касалось изменения в выражении отношения действия к его субъекту. Ведь если при форме *rakentaa* 'строить' подлежащее *minä* 'я' выражало единственного производителя действия, то при форме *rakennuttaa* 'заставлять строить, строить через другого' оно выражает только побочный субъект и глагол вызывает представление о другом субъекте — непосредственном исполнителе действия. Эти два субъекта получают в предложении различное выражение. Различие в выражении отношения действия к субъекту сводится к тому, участвует ли в действии один субъект, выраженный в предложении как подлежащее, или же в нем, как бы на разных правах, участвует два субъекта, из которых главный выражается в предложении как косвенное дополнение, а побочный — как подлежащее.

Прибавление суффикса *-yty-* к основе глагола *pestä* 'стирать, мыть' вызывает другое изменение в предложении, выражающееся в том, что при глаголе становится невозможным поставить прямое дополнение. Это синтаксическое изменение обусловлено тем, что с прибавлением суффикса глагол уже не вызывает представления о постороннем объекте, а действие направляется на его производителя. Изменение отношения действия к объекту находит свое грамматическое выражение в отсутствии при глаголе прямого дополнения. Отношение действия к субъекту остается без изменения как в логическом смысле, так и в плане его грамматического выражения.

Суффиксы глаголов, обуславливающие изменения в выражении субъектно-объектных отношений, имеются во всех финно-угорских языках. Ср., например, в коми языке: *Бабō гижѣ письмо* 'Бабушка пишет письмо' и *Бабō гижѣдѣ письмо* 'Бабушка пишет письмо с помощью кого-то', *Иван дорѣ коса* 'Иван кует косу' и *Иван дорѣдѣ* 'Иван занимается кузнечным делом'; в венгерском языке: *Az asszony kenyeret hoz* 'Женщина приносит хлеб' и *Az asszony kenyeret hozat* 'Женщина велит принести хлеб', *A kulcsot megfordították a zárban* 'Ключ повернули в замке' и *A kulcs megfordult a zárban* 'Ключ повернулся в замке';¹ в эстонском языке: *Laps uinub magama* 'Ребенок засыпает' и *Emä uinutab last magama* 'Мать укладывает спать ребенка'. Или же сравни следующие глагольные пары в эрзя-мордовском языке: *кадомс* 'оставить' и *кадовомс* 'остаться', *теемс* 'сделать' и *теевемс* 'сделаться', *куломс* 'умереть' и *куловтомс* 'умертвить'; в марийском языке: *лудам* 'читаю' и *лудыктом* 'заставляю читать', *мурем* 'пою' и *мурыктем* 'заставляю петь'.

Но одно наличие в языке глагольных суффиксов, обуславливающих изменения в выражении субъектно-объектных отношений, еще не позволяет делать вывод, что глаголу в этом языке присуща грамматическая категория залога. Конечно, понятие о каком-либо грамматическом значении возникает только тогда, когда это значение облекается в определенную грамматическую форму. Но для того чтобы грамматическое

¹ Примеры по коми языку взяты из учебника „Современный коми язык“ (стр. 230); первые два венгерских примера взяты из „Учебника венгерского языка“ М. Мико (Budapest, 1953, стр. 106).

значение приобрело смысл грамматической категории, выражающая его форма должна достигать высокой степени грамматической абстракции, т. е. охватывать большое количество однородных элементов независимо от конкретных лексических значений отдельных слов. По отношению к залогу в финно-угорских языках глагольные суффиксы, вызывающие изменение в выражении субъектно-объектных отношений в предложении, должны охватывать большое количество глаголов независимо от их лексических значений. Если обнаруживается, что какой-либо один или несколько таких суффиксов регулярно присоединяется к подавляющему большинству глаголов или хотя бы даже к большинству, например, переходных глаголов и эти производные глаголы имеют одно общее значение, отличное от значения, объединяющего их исходные формы, то можно говорить о наличии в языке двух залогов. Залогов может быть и больше, чем два, но в языке невозможен один залог, так как залоговое значение, как всякое грамматическое значение, выявляется только при противопоставлении.

Учитывая специфику проявления залоговых значений в финском языке, следует присоединиться к мнению проф. В. И. Лыткина, высказанному им по отношению к пермским языкам, что залоговые значения нельзя рассматривать в одной плоскости, так как они выявляются только в противопоставлении пар.¹ Следовательно, система залогов образуется из одной или нескольких залоговых пар. Такая точка зрения проводится в грамматике „Современный коми язык“. Видимо, такая постановка вопроса будет верна и для других финно-угорских языков.

Залог выражает отношения, и для понимания сущности залоговых значений необходимо разграничивать грамматические (синтаксические) и реальные (логические) отношения. Изменение в залоге есть изменение грамматических отношений. Реальные отношения могут при этом меняться, а могут и не меняться. Например, при сопоставлении страдательных и действительных оборотов в русском языке обнаруживается, что реальные отношения между субъектом и объектом действия остаются при этом неизменными, изменяются только синтаксические отношения между словами, выражающими субъект и объект действия. Одни и те же реальные отношения получают различное грамматическое выражение. При сопоставлении же предложений с действительными глаголами и с глаголами возвратного значения оказывается, что изменение грамматических отношений, вызываемое присоединением к глаголу частицы „-ся“, влечет за собой изменение реальных отношений между субъектом и объектом действия. Сравни, например: „я моюсь“ и „я мою пол“. В первом случае выраженное глаголом действие не допускает постороннего объекта, что грамматически проявляется в отсутствии и невозможности постановки прямого дополнения, в отличие от второго случая, где прямое дополнение налицо (или может подразумеваться).

Изменение в залоге — это такое изменение формы глагола, которое вызывает изменение синтаксических отношений между словами, обозначающими субъект и объект действия, выражаемого глагольной основой, другими словами — это такое изменение формы глагола, ко-

¹ См. В. И. Лыткин. Понудительный залог в пермских языках. Тезисы докладов на совещании по вопросам финно-угорского языкознания 9—12 марта 1954 г., М., Институт языкознания, стр. 20.

торое отражается в оформлении подлежащего и дополнения в предложении. Характер этих изменений может быть различным в зависимости от специфики языка.

Исходя из изложенного понимания залога, постараемся выявить залоговые оттенки одной из двух групп суффиксов залоговой направленности — группы *-ta(-tä-)*, *-tta(-ttä-)*, *-utta(-yttä-)* — и определить степень грамматикализации этих суффиксов в современном финском языке.

В существующей финской лингвистической литературе суффиксы залоговой направленности с точки зрения залога не рассматривались. Даже предложенный Каннелином специальный термин „качество действия“ (*teonlaatu*), как соответствие шведскому термину *aktionsart* из книги Норёна „Наш язык“ („*Vårt språk*“), относится и к видовым, и к залоговым, и к другим значениям глаголов.¹

Как известно, суффиксы залоговой направленности имеют очень древнее происхождение и восходят к финно-угорской языковой общности. Фонетические соответствия их прослеживаются в других современных финно-угорских языках. Как суффиксы с тематическим *t*, так и суффиксы с тематическим *u(y)* являются одними из самых распространенных и продуктивных суффиксов глагола в финском языке. С их помощью производятся глаголы от других глаголов и от имен. Но эти суффиксы отличаются от других продуктивных глагольных суффиксов тем, что, будучи присоединенными к глаголам, часто меняют залоговое значение глагола.

СУФФИКСЫ *-ta(-tä-)*, *-tta(-ttä-)*, *-utta(-yttä-)*

Суффикс *-ta(-tä-)* в отглагольных глаголах следует после согласного, а *-tta(-ttä-)* после гласного звука, например: *harven-ta-a* ‘делать редким’ от *harveta* ‘редеть’ (гласная основа наст. вр. *harvene-*; при присоединении суффикса *-ta-* конечный гласный основы *e-* выпадает), *pääs-tä-ä* ‘пускать, освобождать’ от *päästä* ‘избавиться, освободиться, попасть’ (гласная основа наст. вр. *pääse-*, согласная *pääs-*), *istu-tta-a* ‘заставлять сидеть, сажать’ от *istua* ‘сидеть’, *itke-ttä-ä* ‘заставлять плакать’ от *itkeä* ‘плакать’. К многосложным основам вместо суффикса *-tta(-ttä-)* присоединяется суффикс *-utta(-yttä-)*, если основа глагола не оканчивается на *u-*, *y-*, например: *kirjoit-utta-a* ‘заставлять писать’ от *kirjoittaa* ‘писать’ (основы наст. вр. *kirjoita-*, *kirjoitta-*; конечный гласный основы *a-* при присоединении суффикса выпадает). Иногда этот суффикс присоединяется и к двухсложным основам, например: *pala-utta-a* ‘возвращать’ от *palata* ‘возвращаться’ (гласная основа *palaa-*).

t-овые суффиксы² образуют глаголы как от непереходных, так и от переходных глаголов, присоединяясь и к непроизводным и к производ-

¹ См.: Knut Cannelin. Havaintoja suomenkielen denominaalisten johdannaisverbien alalta. Suomi, V, 10. osa, Helsinki, 1930, стр. 21.

² Это название вводится для удобства изложения и охватывает исключительно только данные суффиксы с тематическим *t*. О происхождении суффиксов см.: Josef Sztinyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin—Leipzig, zweite Auflage, 1922, стр. 111—112; T. Lehtisalo. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LXXII, Helsinki, 1936, стр. 265—266, 274—301, 317, 322—325; А. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I. М., 1953, стр. 55, 249—255, 261—262 (русс. перевод); Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка, § 206.

ным основам. Сравни, например, *seisottaa* 'заставлять стоять' от *seisoa* 'стоять' и *rakennuttaa* 'строить через кого-либо' от *rakentaa* 'строить', а также *ui-tta-a* 'купать, заставляя плавать' от *ui-da* 'плавать' и *val-kais-utta-a* 'дать побелить' от *valkais-ta* 'белить' (при *valko-*, *valkea* 'белый').

Однако при исследовании способов присоединения этих суффиксов к разным типам глагольных основ обнаруживается, что ко многим типам они не присоединяются или почти не присоединяются, как например к глаголам с трехсложной основой на *itse-*, на *ksi-* и на *ksu-*, *ksy-* (*palkitsee* 'награждает', *halveksii* 'пренебрегает', *paheksuu* 'не одобряет', *hyväksyy* 'одобряет'), к трех- и четырехсложным глаголам с основой на (*ehhti-* (*luonnehtii* 'характеризует'), к многосложным глаголам с основой на *oi-*, *oi-* (*lapioi* 'сгребает лопатой', *esitelmöi* 'читает лекцию'), к непереходным трехсложным глаголам с основой на *aise-*, *äise-* (*käväisee* 'сходит'), к четырехсложным глаголам с основой на *ele-*, *ile-* (*työskentelee* 'работает'). Почти без исключения принимают *t*-овые суффиксы только трехсложные глаголы с основой на *ise-*, которые являются непереходными, по своему значению — изобразительными, преимущественно звукоподражательными (*jyris-yttä-ä* 'заставлять греметь' от *jyris-tä* 'греметь'; гласная основа *jyrise-*, согласная — *jyris-*), и трехсложные глаголы с основой на *ne-*, также непереходные и являющиеся главным образом отыменными производными (*alen-ta-a* 'понижать' от *alet-a* 'понижаться'; гласная основа *alene-*, согласная — *alet-*).

Некоторые глаголы принимают *t*-овый суффикс только в соединении с суффиксом *-ele-*. Сравни, например: *leikki-ä* 'играть' и *leiki-ttele-e* 'шутит, играет, забавляется', *neuvo-a* 'советовать, учить, наставлять' и *neuvo-ttele-e* 'советуется, совещается, переговаривается'.

Нельзя дать абсолютно точного подсчета образования *t*-овых производных от разных типов глагольных основ, так как теоретическая возможность образования этих производных гораздо шире их употребления. Учесть все случаи индивидуального употребления таких глаголов практически невозможно. Однако ясно, что *t*-овые производные употребляются менее чем от половины финских глаголов.

Все отглагольные *t*-овые производные, за очень редким исключением, являются переходными, независимо от того, от каких глаголов они образованы, — от непереходных или от переходных. Кроме этого синтаксического свойства, часть отглагольных *t*-овых глаголов имеет залоговое значение, проявляющееся в разных синтаксических отношениях между словами, выражающими производителя действия и объект действия, в зависимости от того, образовано ли данное производное от переходного или от непереходного глагола, может ли производящий переходный глагол употребляться в непереходном значении, является ли прямое дополнение при производном одушевленным или неодушевленным предметом.

В финской лингвистической литературе рассматриваемые *t*-овые производные обычно называются каузативными.¹ Но под этим термином иногда объединяются и глаголы других структурных типов. Например, Хакулинен относит в разряд каузативных глаголов и переходные глаголы, произведенные от непереходных с помощью суффикса *-aise-(-äise-)*, такие как *aukaista* 'открыть', *halkaista* 'расколоть', *kat-*

¹ См.: Kettunen-Vaula. Suomen kielioppi. 7. p., Porvoo, 1950 (раздел „Verbien johtimia“).

kaista 'оборвать, отрезать', а также многие отыменные глаголы, например: *munia* 'класть яйца, нестись', *pesiä* 'гнездиться, вить гнездо', *poikia* 'приносить детенышей', *tähkiä* 'колоситься', *ikävöidä* 'скучать, тосковать', *kapinoida* 'восставать, бунтовать', *liekehtiä* 'пылать', *välkehtiä* 'блестеть, сверкать'. Под термином „каузативный“ он, таким образом, понимает всякое вызывание процесса действия, как переходного, так и непереходного, независимо от того, является ли коренное слово глаголом или именем. Но зато Хакулинен не относит к каузативным *t*-овые отглагольные производные со значением „заставлять делать“, выделяя их в особую группу куративных глаголов.¹ Этот термин был предложен К. Каннелином, считавшим необходимым отграничить группу *t*-овых производных от каузативных *t*-овых отглагольных производных. По мнению Каннелина, такое разграничение должно основываться на том, от непереходного или от переходного глагола образованы производные. За первыми сохранилось бы уже принятое название „каузативных“, а последние назывались бы „куративными“.² Это разграничение проводится в издающемся в настоящее время в Финляндии толковом словаре финского языка „*Nykysuomen sanakirja*“, где вместо пометы „куративный глагол“ употребляется помета „фактитивный глагол“.

Однако Хакулинен называет фактитивными *t*-овые, а также не *t*-овые отыменные глаголы, обозначающие „превращение в то, что выражает коренное слово“.³ Примерно такое же употребление этого термина (в форме „фактивный“) наблюдается в грамматике Айрилы⁴ и в грамматике авторов Кеттунена—Ваулы.

Правда, выделение среди *t*-овых отглагольных производных фактитивных глаголов не основывается в словаре на принципе, указанном Каннелином, так как помета „фактитивный глагол“ охватывает и целый ряд производных, образованных от непереходных глаголов, например: *nukkuttaa* 'заставлять спать' от *nukkua* 'спать', *kilpailuttaa* 'заставлять соревноваться' от *kilpailla* 'соревноваться', *kukuttaa* 'заставлять куковать' от *kukkuu* 'куковать'. Каузативный глагол в словаре определяется как отглагольное производное, обозначающее „вызывание действия, выраженного коренным словом“ („*kantasanan ilmaiseaman toiminnan ai heuttamista*“). Фактитивным глаголом называется производное, указывающее на то, что выраженное коренным словом действие принуждают кого-либо совершить („*kantasanan ilmaiseaman toiminnan teettäminen*“). В словаре не помечены как каузативные *t*-овые производные, образованные от непереходных глаголов с основой на *ne*- типа *pimentää* 'затемнять' от *pimetä* (основа *pimene*-) 'темнеть', тогда как, например, в грамматике Кеттунена и Ваулы они считаются каузативными. Д. В. Бубрих называл отглагольные *t*-овые глаголы причинительными. В русской литературе получил также распространение термин „понудительный глагол“.

¹ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I (раздел „Глагольные суффиксы“).

² См.: Knut Cannelin. 1) *Sanansyntyopin asema äidinkielen opetuksessa*. Viittäjä, 1931, 2. v., стр. 194; 2) *Havaintoja suomenkielen denominaalisten johdannaisverbien alalta*, стр. 21—22.

³ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I, стр. 269.

⁴ См.: M. Airila. *Suomenkielen äänne- ja sanaoppi*. 4. p., Porvoo, 1931, § 46.

Ввиду большого разнобоя в терминологии в дальнейшем при разборе семантики *t*-овых отглагольных глаголов будем говорить только о понудительном и непонудительном значениях этих глаголов.

1. *t*-овые отглагольные глаголы с понудительным значением

Обычно говорят, что с присоединением *t*-ового суффикса к переходному глаголу глагол может стать вдвойне переходным. Это значит, что присоединение суффикса к глаголу может вызвать появление в предложении нового дополнения, помимо прямого. Это новое дополнение, являясь объектом побуждения, понуждения, приказа, исходящего от подлежащего, включает в себе главный субъект, подлинного производителя действия, выраженного глагольной производящей основой. В отличие от прямого дополнения это дополнение имеет форму адессива. Например: *Hän tutkituttaa säännöllisesti hampaansa hammaslääkärillä* 'Он регулярно проверяет (заставляет проверять) свои зубы у зубного врача'; *Hän teettää kotityöt vieraillla* 'Работы по дому ему делают чужие (он заставляет делать чужих)'.

Главный субъект действия в этих предложениях выражен словами *hammaslääkäri* 'зубной врач' и *vieraat* 'чужие' в адессиве и является одушевленным предметом. Случаи выражения производителя действия словом в форме адессива, когда этот производитель неодушевленный предмет, редки. Чаще подобные конструкции встречаются в старой письменности и в народном эпосе. Например, в „Калевале“ имеется выражение: *Lapsen tauilla tapatti...* (Kalev., XXXI) 'Ребенка болезнью умертвила...', где в слове *tauti* 'болезнь' в форме адессива представлен непосредственный производитель действия — умерщвления. В литературе XIX в. довольно часто можно встретить употребление названия непосредственного производителя действия при *t*-овом производном глаголе в генитиве с послелогом *kautta* 'через'. Например: *Kysäseppä rovastilta, jos satut näkemään... eli kysytä ruustinnan kautta, jos ei se itse sitä tiedä, että onko niissä minkälaiset pyörät niissä vaunuissa...* (Aho. Rautatie) 'Спроси-ка у пастора, если увидишь... или **спроси** (вели спросить) через пасторшу, если она сама не знает, есть ли какие-нибудь колеса в этих вагонах?...'; *Ilmoitutti tutkiokunta professori Akianderin kautta seuraavan arvostelun Coranderin Latinan kieliopista...* (Suomi, 1858) 'Комиссия **объявила** (поручила объявить) через профессора Акиандера следующее заключение о Латинской грамматике Корандера...'.

Здесь получается своего рода тавтология. При послеложной конструкции достаточно употребления глаголов в их исходной форме: *kysyä* 'спросить' и *ilmoittaa* 'объявить'. В настоящее время эти обороты выглядели бы как *kysyä ruustinnan kautta* 'спросить через пасторшу' и *ilmoittaa professori Akianderin kautta* 'объявить через профессора Акиандера'. Но такие обороты сейчас мало употребляются, так как имеются более удобные средства выражения. Вместо *kysyä ruustinnan kautta* гораздо проще было бы сказать: *pyytää ruustinnaa kysymään* (букв. 'попросить пасторшу спросить'); вместо *tutkiokunta ilmoitti professori A. kautta* лучше было бы сказать: *tutkiokunnan toimeksiantosta professori A. ilmoitti* 'по поручению комиссии профессор А. объявил'.

При *t*-овых производных, образованных от переходных глаголов, слово, выражающее главного производителя действия, может опускаться

каждый раз, когда нет особой необходимости его указывать. Действующее лицо тогда только подразумевается. Такие обороты употребляются очень широко. В речи чаще всего оказывается более важным указать только на то, что действие совершается не подлежащим, а по его побуждению, понуждению, приказу, тем более, что действующее лицо часто выясняется из контекста. Например: *Virallisesti oli työpäivä kymmentuntinen, mutta lisäksi teetettiin ylitöinä niin paljon kuin tehdä jaksoi* (Vikström. Käy eesp.!) 'Официально рабочий день был десятичасовой, но вдобавок **заставляли работать** сверхурочно, сколько было возможно'; *Jos olisi ollut aika toinen, niin hän olisi yksinkertaisesti ammuttanut pääpukarit* (там же) 'Если бы время было другое, так он бы просто **приказал расстрелять** зачинщиков'.

Все приведенные примеры показывают, что отглагольный *t*-овый глагол обуславливает иное по сравнению со своей исходной формой выражение отношения между субъектом и объектом действия. Вызывая представление о втором субъекте, непосредственном исполнителе действия, он вместе с тем влечет за собой изменение строя предложения. Главный субъект действия выражается в предложении уже не подлежащим (если он вообще выражен), а косвенным дополнением в форме адессива. Выражение объекта действия не претерпевает при этом изменений. Точнее говоря, все приведенные *t*-овые глаголы, образованные от переходных глаголов, отличаются по значению от своих коренных слов выражением отношения действия к его субъекту. При последних субъект действия равен в предложении подлежащему, тогда как первые предполагают наличие двух субъектов, главного и побочного. Побочный субъект равен в предложении подлежащему, главный — косвенному дополнению. Роль побочного субъекта сводится к понуждению другого субъекта, который непосредственно исполняет действие, выраженное исходной формой глагола.

Значение понудительности характерно и для *t*-овых глаголов, образованных от непереходных глаголов. Выделяется немало таких производных со значением явного побуждения или понуждения совершить действие или прийти в состояние, выраженное коренным глаголом. Например: *Äiti nukuttaa lapsia verannalla* 'Мать **заставляет** детей **спать** на веранде'; *Hän naurattaa seuraa kaikenlaisilla hassutuksillaan* 'Он **смешит** (заставляет смеяться) компанию разными чудачествами'; *Komentaja marssittaa joukkoja väsyksiin asti* 'Командир **заставляет** войско **маршировать** до усталости'; *Opettaja seisottaa poikaa nurkassa* 'Учитель **заставляет** мальчика **стоять** в углу'; *Poika juoksuttaa koiraa perässään* 'Мальчик **заставляет** собаку **бегать** следом за собой'; *Isäntä istutti vieraan tuolille* 'Хозяин **посадил** (велел сесть) гостя на стул'.

Во всех этих случаях можно в первую очередь констатировать, что *t*-овые производные: *nukuttaa* 'заставлять спать', *naurattaa* 'заставлять смеяться', *marssittaa* 'заставлять маршировать' и др. — вызвали обязательное появление при себе прямого дополнения. С превращением глаголов из непереходных в переходные, требующие обязательной постановки прямого дополнения, меняется и их залоговое значение; *t*-овый суффикс придает им значение понудительности. Эти производные отличаются от обыкновенных переходных глаголов. Если при последних подлежащее и прямое дополнение соответствуют реальному субъекту и объекту действия, как например в предложении *poika lukee kirjaa* 'мальчик читает книгу', где глагол *lukea* 'читать' является обыч-

новенным переходным глаголом, то в выше приведенных примерах это соответствие как бы нарушается. Роль подлежащего, выраженного в них словами *äiti* 'мать', *hän* 'он', *komentaja* 'командир' и т. д., сводится к понуждению, побуждению, просьбе, повелению. От него исходит инициатива действия, названного в исходной форме глагола. Непосредственный исполнитель действия, главный субъект, выражен словом, несущим в предложении функцию прямого дополнения. В приведенных предложениях это слова: *lapset* 'дети', *seura* 'компания', *joukot* 'войско, войска', *poika* 'мальчик', *koira* 'собака', *vieras* 'гость'. Чтобы в этом убедиться, можно обратить сочетания глагола-сказуемого с прямым дополнением в форму, когда слово, бывшее прямым дополнением, окажется подлежащим при сказуемом, выраженном коренным словом данного *t*-ового производного. Это сочетания: *lapset nukkuvat* 'дети спят', *seura nauraa* 'компания смеется', *joukot marssivat* 'войско марширует', *poika seisoo* 'мальчик стоит', *koira juoksee* 'собака бежит'. Таким образом, очевидно, что приведенные предложения фактически лишены реального объекта действия, выраженного в исходной форме глагола, а прямое дополнение выражает только объект побуждения, понуждения, исходящего от подлежащего.

Значение понудительности может, как мы видим, объединять *t*-овые глаголы, образованные как от переходных, так и от непереходных глаголов. Эти два вида *t*-овых глаголов могут иметь одно и то же залоговое значение, заключающееся в сходном выражении отношения действия к его субъекту. И в том и в другом случае подлежащее выражает побочный субъект действия. Непосредственный исполнитель его представлен в дополнении, в первом случае — в косвенном (в форме адессива, если он вообще упоминается), во втором случае — в прямом дополнении.

Но *t*-овые производные, образованные от переходных глаголов, свободно допускающих непереходное, т. е. абсолютное употребление, могут вести себя так же, как и производные, образованные от непереходных глаголов, обычно в том случае, если прямое дополнение при них является одушевленным предметом. Сравни, например: *minä seisotan poikaa* 'я заставляю мальчика **стоять**' и *minä luetan poikaa* 'я заставляю мальчика **читать**'. В первом примере *t*-овый производный глагол *seisottaa* 'заставлять стоять' образован от непереходного глагола *seisoa* 'стоять', во втором примере такой же производный глагол *luettaa* 'заставлять читать' образован от переходного глагола *lukea* 'читать'. Производитель действия в обоих случаях выражен прямым дополнением, в данном случае словом *poika* 'мальчик', потому что можно сказать *poika lukee* 'мальчик читает' без прямого дополнения, наподобие *poika seisoo* 'мальчик стоит'. Если же во втором примере в прямом дополнении заменить одушевленный предмет неодушевленным, то грамматическое выражение производителя действия уже изменится. В предложении *minä luetan kirjettä* 'я заставляю читать **письмо**' производитель действия уже не заключен в прямом дополнении. Сразу понятно, что выражающее его слово *kirje* 'письмо' обозначает предмет, являющийся объектом действия какого-то постороннего лица, которое при желании можно показать. Выразим это лицо опять словом *poika* 'мальчик', и тогда предложение примет вид *minä luetan pojalla kirjettä* 'я заставляю мальчика читать письмо'. Здесь прямое дополнение *kirjettä* 'письмо' не является уже объектом понуждения, исходящего от подлежащего, как в первом случае и как это бывает при

t-овых производных, образованных от непереходных глаголов, которые никогда не вызывают появления в предложении другого дополнения в адессиве.

Условие одушевленности прямого дополнения при указанных производных, образованных от переходных глаголов, допускающих абсолютное употребление, необязательно. Но выражаемый прямым дополнением предмет должен тогда представляться как одушевленный, что обычно наблюдается при образной речи. Например, в предложении *hän laulatti pitkän aikaa konekivääriään* 'он долго заставлял петь свой пулемет' прямое дополнение *konekivääriään* 'свой пулемет' при таком производном *laulatti* 'заставлял петь' выражается неодушевленным предметом, но воображаемым в качестве одушевленного.

Разное грамматическое выражение непосредственного производителя действия, главного субъекта, вызываемое в предложении *t*-овым производным с понудительным значением, образованным от переходного глагола, зависит, следовательно, от того, употребляется ли производящий его глагол в абсолютном значении, и от того, чем выражено при производном прямое дополнение — одушевленным или неодушевленным предметом.

Из двух следующих предложений: *minä haetan lapset tupaan* 'я велю привести детей в избу' и *minä haetan puut tupaan* 'я велю принести дрова в избу' — в первом прямое дополнение при *t*-овом производном глаголе *haettaa* 'велеть (заставить) привести, велеть (заставить) привести' выражено одушевленным предметом *lapset* 'дети', во втором при том же производном — неодушевленным предметом *puut* 'дрова'. Тем не менее главный субъект действия получает одинаковое выражение (в данном случае подразумевается) именно потому, что производящий глагол *hakea* 'принести, привести, доставить' не употребляется в языке в непереходном значении, а является в полном смысле переходным глаголом.

t-овые производные, образованные от непереходных глаголов, имеют разные оттенки понудительного значения. Кроме явного понуждения, приказа, повеления, в них может чувствоваться оттенок допущения, дозволения, действия, происходящего помимо желания или вопреки желанию субъекта-понудителя. Например: *vuodattaa kyynleitä* 'проливать слезы', *kadottaa rahansa* 'потерять свои деньги', *päästä lapset ulos* 'дозволить детям выйти на улицу', *kasvattaa itselleen parta* 'отпустить себе бороду', *kuluttaa vaatteita* 'трепать одежду'.

Следует, однако, заметить, что понятие понудительности по отношению к этим глаголам является весьма условным, особенно когда прямое дополнение при таком *t*-овом глаголе выражено неодушевленным предметом. Если в выражении *marssittaa jotakuta* 'заставить кого-либо маршировать' понудительный оттенок *t*-ового глагола *marssittaa* 'заставить маршировать' обозначен четко, т. е. прямое дополнение воспринимается как выразитель реального исполнителя действия, названного в исходной форме этого глагола *marssia* 'маршировать', то в большинстве случаев это залоговое противопоставление стирается. С ним переплетается другое залоговое противопоставление. Ведь с прибавлением *t*-ового суффикса непереходный глагол приобретает синтаксическое свойство переходности, т. е. получает прямое дополнение. Это синтаксическое изменение скорее всего может истолковываться как выражение изменения отношения действия к объекту, а не к субъекту, потому что *t*-овый глагол, образованный от непереходного

глагола, может восприниматься, и часто действительно воспринимается, как обыкновенный переходный глагол, действие которого переходит на объект. Тогда подлежащее воспринимается как единственный субъект, субъект-исполнитель действия, названного в *t*-овом глаголе, а не как субъект-инициатор действия, названного в производящем глаголе. Это другое залоговое противопоставление — выражение отношения действия к его объекту — доминирует над залоговым противопоставлением понудительности и непонудительности, определяемым как выражение отношения действия к его субъекту.

Таким образом, значение понудительности может выражаться грамматически совершенно отчетливо только у тех *t*-овых производных, которые образованы от переходных глаголов. Производные, образованные от непереходных глаголов, имеют залоговое значение объектности, с которым переплетается залоговое значение понудительности. Приписывание значения понудительности тому или иному *t*-овому производному, образованному от непереходного глагола, основано не на грамматике, а на логике, когда прямое дополнение воспринимается как субъект действия, выраженного в исходной форме *t*-ового глагола. Это создает условность в признании за указанными глаголами понудительного залогового значения.

Следовательно, рассмотренные два типа *t*-овых производных в залоговом отношении неоднородны.

Отдельно нужно выделить *t*-овые отглагольные глаголы с безличным значением. Чаще — это глаголы, произведенные от непереходных глаголов. Но безличное значение могут иметь и производные, образованные от переходных глаголов, если последние употребляются в непереходном, абсолютном значении. Безличное значение происходит от того же понудительного значения, но предмет, понуждающий к действию, отсутствует и в предложении не подразумевается. Например: *lasta väsyttää* 'ребенок устал (ребенка **утомляет**)', *päätä pyörryttää* 'голова кружится (голову **кружит**)', *häntä epäilyttää* 'его **берет сомнение**', *on toisinaan vähän kirjoituttanut* 'иногда немного хочется (**заставляет**) писать'.

t-овые отглагольные производные с безличным значением могут в других конструкциях выступать как личные, т. е. иметь при себе подлежащее. В безличном значении эти глаголы тоже все переходные; прямое дополнение стоит всегда в форме партитива.

В финском языке наблюдается исчезновение в какой-то мере *t*-овых отглагольных глаголов, выражающих понудительность. Понудительное значение присуще обычно только незначительному числу глаголов, выражающих конкретное действие, прежде всего таким, как *tehdä* 'делать', *ommella* 'шить', *leikata* 'резать, кроить', *laittaa* 'делать, накладывать', *rakentaa* 'строить', *lukea* 'читать', *kirjoittaa* 'писать', *nauraa* 'смеяться', *itkeä* 'плакать', *juosta* 'бежать', *seisoa* 'стоять', *istua* 'сидеть', *nukkua* 'спать'. В большинстве случаев понудительное значение передается описательно, сочетанием не-*t*-ового глагола с другим глаголом, имеющим значения 'заставлять, понуждать, приказывать, дать, позволять' и т. п. Только этот способ является универсальным способом передачи разных оттенков понудительного значения.

В эстонском языке, между прочим, совсем не употребляются *t*-овые производные с понудительным значением от переходных глаголов, и понудительность передается только описательно. Вместо финского *hän kirjoituttaa kirjeen veljellä* 'он **пишет** письмо с **помощью** брата

(брат пишет вместо него)' по-эстонски следует: *tema laseb kirjutada kirja vennal* 'он заставляет брата писать письмо'. Для финского же языка эта конструкция является нормой. Но в литературе XIX в. такие глаголы употреблялись чаще, чем теперь. Например: *...eräät käsikirjoitukset..., jotka minulle lainaksi lähetytti Pietarin Tiede-Akatemia...* (Ahlgvist. 4. matkakert., Suomi, 1857) '...некоторые рукописи..., которые мне **одолжила** (поручила кому-то прислать мне в долг) Петербургская Академия наук...; *...velkamiehet selityttävätkööt hänen kirjansa ja luvunlaskunsa* (Lönnrot. Lakikirjan käänn., Suomi, 1857) '...кредиторы **пусть выясняют** (заставят выяснить, разобратся) его бумаги и расчеты'; *Koulunopettaja J. Heinonen jättäti Seuralle luettelon oudoimmista sanoista Kantelettaressa...* (Suomi, 1865) 'Школьный учитель И. Хейнонен **оставил** (через кого-то) Обществу список с наиболее необычными словами в „Кантелетаре“...'. Употребление в этих примерах *t*-овых производных теперь уже кажется архаичным. Даже у Лассила еще можно встретить случаи употребления *t*-овых производных с понудительным значением от переходных глаголов, не совсем обычные для современных авторов: *Ja silloin käänsi hän hevosensa kujasille ja vedätti kuormansa Hyvärisen taloon* (Lassila. Tulitikk. lain.) 'И тогда повернул он лошадей на дорогу, ведущую к дому, и **потащил** (заставил лошадей тащить) обоз к Хювяринену'; *Hän sanoi Jussille merkitsevästi: „Ethän sinä Hyväriseen viitsi ajattaa kuormaasi?“* (там же) 'Он сказал Юсси многозначительно: „К Хювяринену не хочешь **заехать** (заставить погнать обоз)?“'

Если в отношении *t*-овых производных с понудительным значением, образованных от переходных глаголов, наблюдается тенденция к уменьшению их употребления, то производные, образованные от непереходных глаголов, все больше начинают восприниматься как обыкновенные переходные глаголы — без оттенка понудительности. Прямое дополнение при них представляется как логический объект активного действия со стороны субъекта-подлежащего (ср., например, *lähettää* 'послать' от *lähteä* 'пойти', *päästää* 'пустить' от *päästä* 'попасть', *nostaa* 'поднять' от *nousta* 'подняться'). Однако употребление *t*-овых производных от непереходных глаголов, имеющих соотносительные переходные глаголы того же корня, постепенно сходит на нет, если за производным и за параллельным ему не-*t*-овым переходным глаголом не закрепляются разные лексические значения. Это формы типа *työnnyttää* 'заставить повернуться' (при *työntää* 'повернуть') от *työntyä* 'повернуться'. Например: *Tyven työnnytti itähän, Latvian laski luotehesen...* (Kalev., II) 'Комель **отправил** (заставил повернуться) на восток, Крону пустил на северо-запад...'

2. *t*-овые отглагольные глаголы с непонудительным значением

Часто *t*-овые производные не получают нового залогового значения по сравнению со своими коренными глаголами, причем лексические значения производного и производящего глаголов или совсем совпадают, или разница между ними определяется незначительным, иногда даже трудно уловимым, стилистическим оттенком. Например: *Usein hän aivan huomaa, miten hänen mietiskelynsä avartavat näköpiiriä ja nostattavat mieltä...* (Vikström. Käy eesp.!) 'Часто он прямо замечает, как его размышления расширяют кругозор и **поднимают** настроение...'; *Aurinko alkoi sitten kimallutella kasteista pihanurmea ja vet-*

tyneistä seinistä nostattaa höyryilevää lämmintä (Aho. Rautatie). 'Потом солнце заиграло на мокрой от росы траве во дворе и с отсыревших стен **поднимало** теплый пар'. *t*-овое производное *nostattaa* 'поднимать' в этих примерах отличается от производящего глагола *nostaa*, имеющего то же значение, только стилистическим употреблением. Это тот же глагол *nostaa*, лишь в переносном смысле. *t*-овое производное от глагола *johtaa* 'вести, руководить' — *johdattaa* было в литературе прошлого века более употребительным, чем его коренное слово. Оно встречается и в тех случаях, где в настоящее время возможен только глагол *johtaa*. У Киви в произведении „Семеро братьев“ употребляется только форма *johdattaa*. Это же производное сплошь и рядом заменяет свое коренное слово в журнале „Суоми“, например: *Esimiehen provessori Lönnrotin poissa ollessa johdatti varaesimies assessori Rabbe tässä kokouksessa keskusteltavat asiat* (Suomi, 1864) 'В отсутствие председателя профессора Леннрота обсуждение вопросов на этом собрании **вел** заместитель председателя ассессор Раббе'. По свидетельству Раполы, *t*-овое производное *johdattaa* встречается уже в букваре Агриколы, а производящий глагол *johtaa* появляется только в словарях XIX в.; но в словаре Ренвалла 1826 г., а также в словаре Хелениуса 1838 г. его еще нет, хотя существительное *johto* 'ведение, руководство' от этого глагола встречается уже в письменных источниках XVIII в.¹ В современном языке употребляются как производный глагол *johdattaa*, так и производящий глагол *johtaa*, лексически иногда не разграничиваясь.

Ср. также значения в следующих глагольных парах: *hengittää* 'дышать' и *henkiä* 'дышать, выдыхать' (о явлениях природы и в переносном смысле); *kannattaa* 'держат, поддерживать, выдерживать, носить' и *kantaa* 'носить'; *koskettaa* 'трогать, дотрагиваться, касаться' и *koskea* 'трогать, касаться'; *pidättää* 'задерживать, препятствовать' и *pitää* 'держат'; *toivottaa* 'пожелать' (кому чего) и *toivoa* 'желать, надеяться'; *tuudittaa* 'убаюкивать' и *tuutia* 'убаюкивать'.

Л. Хакулинен утверждает, что *t*-овые производные имеют более интенсивное (усилительное) значение, нежели их исходные формы. Вслед за Буденцом он считает, что этот оттенок развился из прежнего значения однократности.²

Не исключена, однако, возможность и другого объяснения. По всей вероятности, выражение понудительного значения *t*-овыми отглагольными глаголами имело в прошлом более широкое распространение, т. е. эта форма была более грамматикализованной. Но уже очень рано понудительное значение в *t*-овой глагольной форме начало ослабляться. В результате этого *t*-овые глаголы могли иногда употребляться просто в значении своих коренных слов, отражением чего в современном языке и являются производные с так называемым усилительным оттенком в сравнении со своими коренными глаголами. В ряде случаев традиция употребления могла и утратить эти коренные глаголы и сохранить в их значении *t*-овые производные. Например, глагол *entää* в значении 'поспевать' уже не характерен для литературного языка, и его значение перешло к производному *ennättää*. В близкородственном салминском диалекте карельского языка значение финского *matkia* 'подражать, повторять' передается только через *t*-овое производное

¹ См.: „Virittäjä“, 1952, 1. v., стр. 56.

² См.: Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I, стр. 254—

matkittua, а коренной глагол *matkia* в этом диалекте отсутствует.¹ В карельском языке в целом отсутствует фонетическое соответствие финского *repää* 'рвать', а это значение имеет глагол *revittää* — полное фонетическое соответствие финского литературного *revittää* 'заставлять рвать'. Не исключена возможность, что коренной глагол в карельском языке утерян.

Народный эпос „Калевала“ может служить иллюстрацией к тому предположению, что когда-то в языке в связи с наметившимся ослаблением понудительного значения *t*-овых отглагольных глаголов в некоторой части глаголов имело место весьма нечеткое разграничение значений *t*-овых производных и их коренных слов и в значении последних могли иногда употребляться и производные. Например: *Pellervoinen, pellon poika, ...Kylvi maita, kylvi soita, Kylvi auhtoja ahoja, Panettavi paasikoita* (Kalev., II) 'Пеллервойнен, сын поля, ...Засевал земли, заседал болота, Засевал песчаные поляны, **Засевает** каменистые равнины'; *Siitä vanha Väinämöinen Otatti otsolta turkin, Pani aitan parven päähän...* (там же, CVI) 'Вот старый Вяйнямейнен **Снял** с медведя шкуру, Повесил на конец полки в амбаре...'. В первом примере *t*-овое производное употреблено в значении своего коренного слова 'засевает' (букв. 'ставит, кладет'). Вполне очевидно, что в подлежащем заключен единственный субъект действия и никакой другой субъект не имеется в виду. Сомнительно допущение какого-нибудь постороннего производителя действия и во втором примере, где *t*-овое производное *otatti*, по всей вероятности, употреблено в значении своего коренного слова *otti* 'снял'.

Представленный тип *t*-овых отглагольных производных нельзя рассматривать как глаголы с залоговым значением понудительности. Глаголы с так называемым усилительным, или интенсивным, оттенком вообще не вызывают изменений в выражении субъектно-объектных отношений в предложении по сравнению со своими коренными словами и, следовательно, не отличаются в этом смысле от последних. Разница в целом сводится только к незначительным лексическим оттенкам.

Помимо этого типа *t*-овых производных, где только намечается семантическое расхождение производного и производящего глаголов, имеется множество случаев полной лексикализации *t*-овых отглагольных глаголов.

По-видимому, в результате ослабления понудительного значения *t*-овых отглагольных глаголов, что создало возможность употребления *t*-ового производного вместо его коренного слова, у глаголов стала широко развиваться синонимия, послужившая впоследствии базой для образования новых слов. Производные стали все больше семантически расходиться со своими коренными словами, за ними постепенно закрепились другие лексические значения. В языке вполне возможны случаи, когда производный и коренной глагол с течением времени расходятся в значениях настолько, что этимологическое родство их совершенно стирается. Однако во многих случаях семантическая близость материально кажущихся родственными глаголов позволяет устанавливать их действительное родство.

¹ См.: P. Pohjanvalo. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1947. — Это явление присуще не только салминскому диалекту.

Отсутствие ранних письменных памятников не позволяет делать подробных наблюдений над процессом лексикализации *t*-овых отглагольных глаголов, но и по имеющимся материалам можно заключить, что этот процесс происходит постоянно. Отдельные *t*-овые глаголы, лексическое значение которых в современном языке не соответствует лексическому значению их предполагаемых коренных слов, в старой письменности встречаются иногда в этом значении с понудительным оттенком. Например: *Nijn myös tuorettapi (jumala, — B. O.) Lehmäin Lambain ia Wohten lypsyhet ia saatta niistä riesca pijmä juostoia ia woita caikexi kesäxi* (Lauritsa Pietarinp. Selityhet, w. 1644. Agr. Jut.) 'Также обновляет (бог, — B. O.) удои Коров, Овец и Коз и **позволяет получать** от них свежую простоквашу, сыр и масло все лето'. Здесь глагол *saattaa* воспринимается как понудительный (с оттенком позволения) по отношению к главному значению своего коренного слова *saada* 'получать, добывать'. Теперь же это производное в таком значении уже не употребляется, а имеет значения 'проводить, доставлять, доводить'.

Одним из главных значений глагола *saada* когда-то, очевидно, было и непереходное 'стать, приходить', сохранившееся в диалектах, а в литературном языке главным образом в поэзии (ср. эстонское *saama* 'стать'). С этим значением связан глагол *saattaa* в следующем примере: *Cunnia corkia Caickiwallan, Joca Rijdoist Rauhan saatti Wiholliset caasi caicki* (Lauritsa Pietarinp. Ajan tietö, w. 1658. Agr. Jut.) 'Честь высокая Всемогущему, Который, уничтожив Междоусобицы, **добился** (заставил стать, прийти) мира, Врагов подавил всех'.

В современном языке глагол *saattaa* уже не воспринимается как понудительная пара глагола *saada*, хотя современные значения этого глагола и являются вполне мотивированными и нетрудно проследить их развитие из прежних понудительных значений, соответствовавших глаголу *saada* в значениях 'получать, стать'. Теперь это две разных лексемы, обе со множеством значений, но этимологическое родство их все же прозрачно.

Глагол *tuottaa* в одном из своих главных значений в современном языке 'производить' тоже совершенно отошел от своего коренного слова *tuoda* 'приносить, приводить, привозить'. Но вместе с тем этот глагол сохраняется еще и в понудительном значении 'заставлять приносить (приводить, привозить)'. На примерах разных значений этого *t*-ового производного в современном языке можно наблюдать, что глагол с понудительным значением, лексикализуясь, как бы проходит отдельные ступени семантического развития. Вначале он имеет только понудительное значение, как например в предложении *emäntä tuottaa piialla veden* 'хозяйка **заставляет** служанку **носить** воду'. Но сама возможность опущения названия непосредственного производителя действия создает предпосылки к тому, что в отдельных выражениях — возможно, вначале только в таких, где подлежащее представляло собой неодушевленный предмет, — это подлежащее начинает постепенно восприниматься как единственный субъект действия и представление о другом субъекте совершенно исчезает.

Так происходит залоговое переосмысление глагола. Например: *Vähän väliä tapahtuva tuuletus tuottaa sairaalle raitista ilmaa...* (Pikku jättiläinen) 'Происходящее время от времени проветривание **доставляет** (приносит) больному свежий воздух...'; *Ankarissa pistoksissa voi pistoksen kohdalle asetettu jääpussi tuottaa huojennusta*

(там же) 'При сильных болях поставленная на больное место грелка с холодом может **приносить** облегчение'; *Hänelle tuotti kauhua ajatuskin, että hän vanhoilla päivillään joutuisi asumaan jossakin kahden huoneen huoneistossa...* (H. Wuolijoki. Minusta tuli liikenainen) 'На нее **наводила** (ей приносила) ужас даже мысль, что ей на старости лет придется жить где-то в двухкомнатной квартире...'.
.

В этих предложениях уже невозможно представить другой субъект, кроме подлежащего, выраженного словами *tuuletus* 'проветривание', *jääpussi* 'грелка с холодом', *ajatus* 'мысль'. Глагол *tuottaa* имеет в них значение обыкновенного переходного глагола, без какого-либо оттенка понудительности. Разница между ним и производящим глаголом *tuoda* 'приносить' носит лексический характер. Это тот же глагол *tuoda* в переносном употреблении, привносящем оттенок усиленности.

Когда значение понудительности у глаголов стало стираться, понудительность, возможно, могла пониматься и как понуждение субъектом самого себя. Именно к этому периоду могут восходить производные с более интенсивным оттенком значения, чем их коренные слова.

Дальнейшее развитие значения производного *tuottaa*, по-видимому, шло под воздействием закона неизбежности обогащения языка новыми словами для обозначения новых понятий. Производный член рассматриваемой пары *tuoda*—*tuottaa*, ставшей в известный период развития языка в отдельных выражениях синонимической, мог послужить базой для названия нового, но семантически близкого понятия „производить“. *Tuottaa* 'производить' представляется как переосмысление *tuoda* 'приносить', синонимом которого в известных условиях являлось *tuottaa*. Если *tuoda* и *tuottaa* могли оба означать 'приносить что-то готовое', то теперь за производным могло закрепиться значение 'приносить что-то, сделав его сначала'; затем значение 'делать, производить' стало в нем преобладающим и вытеснило оттенок 'приносить' как ненужный, так как *tuottaa* 'производить' уже имеет в себе значение 'для кого-то' или 'для чего-то'. Путь к лексикализации *t*-ового производного глагола *tuottaa* схематически можно обозначить следующим образом: 'заставлять кого-то приносить'—'приносить' (или, возможно, 'заставлять себя приносить'), 'доставлять'—'производить'. Все эти значения сосуществуют в современном языке, но понудительное значение встречается уже реже. Лексикализация глагола *tuottaa* наблюдается уже в первых письменных памятниках.

Характерным примером для показа семантического отдаления *t*-ового производного глагола от коренного является также глагол *menettää* 'терять, лишаться, тратить' (ср. *mennä* 'идти'). В понудительном значении 'заставлять идти' этот глагол в современном языке совсем не встречается. В письменности он предстает уже в лексикализованном виде. Тем не менее его семантическое развитие от понудительной формы глагола *mennä* 'идти' является для финского восприятия очевидным.

Бывшей понудительной парой глагола *viedä* 'нести, вести' является глагол *viettää* 'проводить, справлять'. Современный омоним этого глагола, непереходный глагол *viettää* 'быть покатым', является семантическим звеном в развитии значения бывшего понудительного глагола *viettää* 'заставлять нести {вести}' в сторону полной лексикализации. В выражении *rinne viettää* 'склон покат' собственно нет еще нового значения глагола, но понудительность уже утеряна и установилось

непереходное употребление, развившееся из переходного. Ведь этому выражению вполне соответствует выражение с коренным глаголом *viädä: rinne vie jotakuta alas* 'склон **несет** кого-то вниз'.

Новые лексические оттенки приобрел глагол *kannattaa* от *kantaa* 'носить', встречающийся еще и с понудительным значением. Кроме так называемого усилительного лексического оттенка 'держат, под-держивать, выдерживать, носить', это производное означает еще 'давать доход, стоить', например: *kauppa kannattaa hyvin* 'торговля **дает** хороший **доход**', *näyttelyssä kannattaa käydä* 'на выставку **стоит** сходить'.

При ослаблении понудительного значения производного глагола имели место и такие случаи, когда коренной глагол приобретал другое значение, а его прежнее значение переходило производному. Такими парами являются, например, *kokea—koettaa, noutaa—noudattaa*. *Koettaa* 'пытаться, стараться, пробовать' в современном языке означает то, что раньше означало *kokea*. Прежнее значение *kokea* еще широко встречается в художественных произведениях прошлого столетия, например: *Ja Matin perään koki Liisa pyrkiä...* (Aho. Rautatie) 'И Лиза **старалась** следовать за Матти...'. И рядом употребляется форма *koettaa* в том же значении: *Koetti hän kuitenkin syrjittäin tirkistellä ikkunasta* 'Однако он **старался** боком заглядывать в окно'. В литературе последних десятилетий за глаголом *kokea* в качестве основного значения закрепилось значение 'испытывать, переживать', например: *kokea monenlaista elämänsä varrella* 'испытать многое в своей жизни'.

Точно так же изменил свое значение глагол *noutaa*, обозначающий в современном языке 'приносить, доставлять' (*noutaa vettä* 'приносить воду', *noutaa halkoja* 'приносить дрова'). Раньше этот глагол обозначал 'следовать, соблюдать', например: *Kun menetki miehelähän, Elä noua miehen mieltä, Kuin minä poloinen nouin...* (Kalev., XXIII) 'Когда выйдешь замуж, Не **следуй** нраву мужа, Как я, бедняжка, **следовала**...'. Теперь это прежнее значение глагол *noutaa* сохранил только в диалектной речи или в языке высокого стиля, например: *toimia Jumalan tahtoa noutaen* (Nykysuom. sanak., *noutaa*) 'действовать, **следуя** Божьей воле'. В широком употреблении в литературном языке это значение перешло к *t*-овому производному *noudattaa*. Такое употребление производного *noudattaa* встречается уже в ранней письменности, например: *Anna mös täällä ollesam Ja täältä poies cuollesam Tosi paiste meit noudhattaa* (Jaakko Suom. Wirsikirja, w. 1582. Agr. Jut.) 'Дай также здесь при жизни И после ухода отсюда Подлинному свету **следовать** за нами (освещать нас)'. Тойвонен считает, что современное значение 'приносить' у глагола *noutaa* развилось из его древнего значения 'следовать за зверем, идти по следам'.¹

К типам лексикализации *t*-овых отглагольных производных следует отнести и тот случай, когда производный глагол теряет понудительное значение, лишившись своей непонудительной пары или в результате исчезновения последней из употребления, или в результате приобретения ею нового лексического значения. Например, глагол *asettaa* 'ставить, класть, устанавливать' этимологически представляет собой понудительную форму глагола *asea* 'находиться, располагаться'. Но из литературного языка глагол *asea* исчез и сохранился только в диалек-

¹ См.: Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. XXII, Helsingfors, 1934, стр. 156.

тах. Поэтому и производное от него *asettaa* не имеет в литературном языке понудительного значения и воспринимается как непроизводный глагол.

Очень интересными в смысле разрушения прежнего залогового противопоставления являются также глагольные пары *kulkea—kuljettaa* 'ходить, идти—водить, носить, возить', *käydä—käyttää* 'ходить, идти—водить, употреблять, пользоваться', *saapua—saavuttaa* 'прибывать—достигать, догонять', *kasvaa—kasvattaa* 'расти—выращивать, воспитывать', *soida—soittaa* 'звенеть—играть', *kuolla—kuolettaa* 'умирать—умерщвлять, ухаживать за больным, погашать', *huomata—huomauttaa* 'замечать—заметить (кому-либо о чем-либо)' и многие другие. На примере последней пары видно, что *t*-овые производные, лексикализуясь, теряют не только свой понудительный характер, но в некоторых случаях могут терять и свою переходность.

Можно, таким образом, выделить следующие типы лексикализации *t*-овых отглагольных глаголов:

- 1) производное приобретает другое лексическое значение по сравнению со своим коренным словом;
- 2) производное приобретает одно или несколько новых лексических значений по сравнению со своим коренным словом, сохраняя в то же время и свое понудительное значение;
- 3) коренное слово приобретает новое лексическое значение, а его прежнее значение переходит производному;
- 4) коренное слово вообще выходит из употребления или приобретает новое лексическое значение, которое в понудительной форме не передается.

Лексикализация *t*-овых отглагольных производных происходит постоянно и означает разрушение прежнего залогового противопоставления.

ВЫВОДЫ

t-овые глагольные суффиксы, присоединяясь к основам глаголов (переходных и непереходных), не достигают той степени грамматической обобщенности, которая бы характеризовала их как показателей грамматической категории залога. Они не охватывают и половины глаголов (ни переходных, ни непереходных). Выражение ими залогового значения понудительности весьма ограничено. Это значение обнаруживается всего лишь у небольшого количества производных с этими суффиксами. Совершенно отчетливо залоговое значение понудительности может выражаться только у производных, образованных от переходных глаголов. У производных же, образованных от непереходных глаголов, залоговое значение понудительности переплетается с другим залоговым значением, определяемым выражением отношения действия к его объекту, причем значение объектности является доминирующим, так как оно объединяет большее число *t*-овых производных, образованных от непереходных глаголов. Следовательно, выражаемые *t*-овыми суффиксами залоговые значения неоднородны, что, наряду с лексическим сопротивлением, является фактором, не позволяющим считать *t*-овые суффиксы показателями грамматической категории залога. Кроме того, *t*-овые суффиксы часто вообще не меняют залогового значения глагола, а образованные с их помощью производные являются как бы синонимами своих коренных слов.

Наблюдающийся процесс лексикализации *t*-овых отглагольных глаголов постепенно разрушает встречающееся в целом ряде случаев залоговое противопоставление в плане понудительности и непонудительности. Способ передачи понудительного значения *t*-овыми производными уступает место описательному способу передачи этого значения. Залоговое противопоставление глаголов в плане понудительности и непонудительности разрушается также под влиянием все усиливающейся продуктивности *t*-овых суффиксов в области имен. Многие *t*-овые производные с понудительным значением от отыменных глаголов неупотребительны потому, что их вытеснили *t*-овые производные с другим значением, образованные непосредственно от имен.

Главной функцией *t*-овых суффиксов в сфере глагола является образование переходных глаголов от непереходных, что может совпадать с залоговым противопоставлением глаголов в плане объектности и безобъектности, а также в плане понудительности и непонудительности. В целом *t*-овые суффиксы нельзя называть суффиксами переходности, так как отыменные глаголы с этими суффиксами могут быть и непереходными.

Итак, роль рассмотренных *t*-овых суффиксов в общей системе языка сводится к словообразованию. Но в значительной мере их функцией является и выражение двух не объединимых в одно целое залоговых значений понудительности и объектности.
